Побеждать не имело смысла. Пассажиры были разного возраста, пола и национальности, объединённые лишь богатством. Проводить с ними время было менее продуктивно, чем смотреть записи гонок Дэниела в своей каюте.

Возвращаясь, Алек вышел на палубу — в нём всё ещё оставалась беспокойная, раздражённая пустота.

Был самый разгар солнечного дня, поэтому большинство пассажиров находились у бассейна или в казино, и он оказался почти один.

Роскошный круиз Walker Group был частью бизнеса. Перед пиком летнего сезона здесь собирали акционеров и партнёров, обсуждали планы на вторую половину года и укрепляли связи.

Закулисные договорённости, но мысли Алека были далеко. Он смотрел на люстру из розового кварца и думал о Дэниеле. «Если бы он был здесь. Рядом со мной…»

«Ему бы подошло».

Он бы делал вид, что ему всё равно, чтобы скрыть восхищение, глазами быстро оглядывал бы всё вокруг, приоткрывал бы губы, а потом резко закрывал их, когда с ним заговорят, не умея скрыть своё волнение.

Как интересно было бы увидеть это вживую. Если бы была возможность, Алек хотел бы прямо сейчас привести его сюда.

Игнорирование звонков не означало, что интерес исчез.

Признав это, Алек продолжал донимать Мику, выпытывая новости о Дэниеле.

Но Мика оказался ужасным «шпионом» и приносил бесполезные сведения.

«Дэниел, без менеджера, таскает с собой сумку с покупками как сокровище прямо во время Гран-при. Марсель и Адам уже получили по голове за то, что трогали её. Я пытался спросить аккуратно, но он не говорит. Похоже, он в последнее время рассеян».

Слушая это, Алек чувствовал, что это больше похоже не на команду Формулы-1, а на школьный теннисный клуб, и это его раздражало.

Гран-при Великобритании в Сильверстоуне был через шесть дней.

Алек подавил желание поехать в моторхоум, хотя гордость боролась с желанием увидеть лицо Дэниела, и сделал вид, что это не имеет к нему отношения.

Входящий вызов — Дэниел Линдберг

И вот, в сумерках, звонок Дэниела разрушил спокойствие Алека.

Он долго колебался. Смотрел на экран и наконец решился уступить своей гордости — провёл пальцем по дисплею. Но в ту же секунду вызов оборвался.

Алек уставился в телефон в полном замешательстве.

Притвориться, что был занят, и перезвонить?

Пока он размышлял, ему позвонил Мика.

Алек машинально принял вызов.

— Что.

[…]

— Раз позвонил, говори.

[Я подумал, что так и будет, но ты отвечаешь на звонки доктора Мики без проблем, а мои игнорируешь.]

Сердце будто прижали прессом.

Алек был настолько ошеломлён, что не сразу смог объяснить пропущенный звонок.

[Алек.]

— …

[Какой у тебя любимый цвет?]

— Что?

Он ожидал упрёков за игнорирование или сообщения, оставшиеся без ответа. Но вместо этого прозвучал неожиданный вопрос. Алек едва не переспросил, что это значит.

[Твой любимый цвет.]

— С чего вдруг такой вопрос?

[Я первый спросил. Так какой твой любимый цвет?]

— …Синий.

[Сколько тебе лет?]

— К кому ты вообще обращаешься?

[Здесь кто-то ещё есть, кроме директора?]

— …Двадцать восемь.

[Всего на год старше меня. А любимая еда и музыка?]

— …

[Еда и музыка. Мне дважды спрашивать?]

Он что, повторяет мой тон?

Алек ответил, уже не до конца уверенный в себе:

— Еда… у меня нет любимой. Музыку я тоже не выбираю. Но, пожалуй, тянет к Шопену.

[Где ты родился?]

— В Великобритании. Вырос в Бельгии.

[Почему ты не приезжаешь на гонки?]

Этот шквал вопросов выбил его из равновесия, и только потом он понял, в чём настоящая проблема. Алек решил, что Дэниел умеет расставлять ловушки.

[…Тебе уже надоело меня видеть?]

— Господин Дэниел, вы пьяны?

[Я первый спросил. Отвечай. Тебе не нравятся гонки? Или я тебе надоел?]

Это был новый, странно «потускневший» Дэниел. Сердце, которое он считал уже разбитым, глухо ударилось. Алек уловил это по слабым, сдержанным словам.

Ты ведь ранен, да?

Потому что я не ответил. Не стал тебя так донимать, как раньше. Вот почему ты расстроен, верно?

— Господин Дэниел.

[…]

— Ты скучал по мне?

Внутренний стержень гордости у Алека треснул пополам.

Ответь честно. Не делай из меня единственного идиота, который за тобой гоняется. Дай хоть каплю надежды, скажи, что моя уверенность не была ошибкой.

Я хотел услышать, что я тебе нравлюсь. Что тебе без меня было скучно.

Я хотел увидеть, как ты хоть раз согнёшь свою гордость ради кого-то одного.

И чтобы этим человеком был я — тот, кто готов разбиться и сгореть.

[Да.]

Я хотел, чтобы ты скучал по мне так же, как я по тебе.

[До того, как я позвонил, кажется, да… теперь не уверен.]

Чёрт. Алек почувствовал себя глупой уткой. Этот проклятый повар сначала окунул его в холодную воду, потом бросил в кипяток. Ободрал перья и тут же отпустил обратно в поле.

Но он не отпустит эту нить. Эта тонкая, хрупкая искренность была последней связью между ними.

— Где ты?

[…]

— Дэниел, где ты?!

[Ты и так знаешь, зачем спрашиваешь! Где ещё?! В Великобритании! Что, хочешь, чтобы я уже сейчас выиграл трофей Сильверстоуна?!]

— Чёрт, кто это сказал? Оставайся в своём отеле. Понял? Оставайся там!

Пока Дэниел продолжал спорить, в разговор вмешался Мика, и звонок оборвался.

Алек сжал перила так, что казалось — сейчас сломает их.

В ту же секунду, как вызов завершился, он приказал своему секретарю подготовить вертолёт — военный или гражданский — и направился в свою каюту.

Человек, идущий по палубе, злился на того, кто снова всколыхнул его сердце, но в уголках губ уже проступала улыбка, обнажающая белые зубы.

Спустя час вертолёт приземлился на носовую площадку круизного лайнера. Разрезая ночное небо, он ушёл за облака к ближайшему островному аэродрому, откуда начал перелёт в Великобританию.

□

Днём, за шесть дней до Гран-при Великобритании в Сильверстоуне, из-за нестабильных результатов Дэниела на симуляторе Адам по командному распоряжению отправил его домой.

— Что? Солнце ещё высоко.

— Ты всех вокруг уже нервируешь.

— …

— Я понимаю, ты на взводе, но остынь. Возьми с собой доктора Мику. Я боюсь, он скоро начнёт орать прямо в спальном мешке и сойдёт с ума.

Адам покачал головой, пробормотал что-то о чрезмерности и ушёл.

Делать было нечего. Дэниел вышел наружу. Мику, которого технический отдел фактически «выпнул» на отдых, он тащил с собой, как сумку для гольфа.

Вернувшись в отель, Мика схватил салфетку и начал записывать аэродинамические уравнения. Поражённый его одержимостью, Дэниел буквально затолкал его в ванную.

Сам он вернулся в номер, но заняться было нечем. Он сделал глоток виски — подарок Марселя в честь удачного выступления.

Посмотрел новости, решил пару головоломок, уставился в потолок.

Конец июня, и после двух изнурительных Гран-при Дэниел решил вернуться к состоянию новичка. Думал об Алеке, который мог в любой момент ворваться в паддок, и понимал, что больше не имеет права на слабый результат. Итоги были отличными. Как говорят, всё решает настрой: второе место во Франции, неожиданная победа в Венгрии.

Алек Уокер, вероятно, был бы доволен.

Дэниел мысленно похвалил себя. Он ждал. Надеялся на звонок Алека.

Но ничего не произошло.

Два трофея в его руках словно насмехались над молчащим телефоном.

В первый день после звонка с извинениями он держал телефон при себе. Три дня думал, что Алек действительно занят. Поэтому и отправил сообщение.

Человек, который ненавидит тратить время, с его статусом и титулами мог не звонить несколько дней — это не казалось странным. Он, скорее всего, всё ещё был зол. Возможно, ему нужно время, чтобы остыть, убеждал себя Дэниел.

Но, несмотря на логику, через пять дней терпение начало истончаться.

Он не собирался тянуть так долго.

Он планировал спокойно, по-взрослому извиниться за то, что переложил вину, сказать, что нашёл контракт и готов его подписать, рассчитывая на великодушное понимание.

Извиниться, вернуться к отношениям «спонсор — пилот». Он уже пришёл к выводу, что вообще странно было ссориться из-за такого.

http://bllate.org/book/17841/1739224